

В эту ночь Лю Сюаньань, что было для него редкостью, при свете фонаря в карете усердно писал письмо домой. В основном он спрашивал отца, существует ли какая-то болезнь, яд или искусство, способное лишить человека пульса и сердцебиения и сделать тело холодным. Написав, он спрятал письмо за пазуху, намереваясь отправить его с первой же почтовой станции.

Однако письмо пролежало у него больше месяца. По пути они действительно встретили одну станцию, но она была заперта на большой замок. А-Нин вытащил из щели полуразорванное объявление, из которого следовало, что станция переехала в другое место, но куда именно — разобрать было невозможно. Внизу стояла квадратная печать Города Алых Облаков, означавшая, что эти земли теперь под управлением Ши Ханьхая. По расчётам, через дней десять пути они могли бы достичь города.

«Но замок и цепи не сильно заржавели», — Лю Сюаньань взглянул на хмурые облака на горизонте. — «Сейчас сезон дождей, влажно. Станцию закрыли недавно».

«Голод и чума, а власти вместо дел умудрились найти время для переезда станций», — Чэн Суюэ вложила меч в ножны и пинком распахнула ворота. Щепки и пыль разлетелись во все стороны. Охранники вошли внутрь, чтобы подмести и подготовиться к ночёвке.

А-Нин отправился на кухню помогать кипятить воду, а Лю Сюаньань, не зная чем заняться, бродил за ним. Краем глаза он заметил в углу большой сосуд и, приподняв крышку, замер.

«Что там?» — спросил Лян Шу, стоя в дверях.

«Зерно», — Лю Сюаньань отступил в сторону. — «Не много, но если в Городе Алых Облаков голод, этого хватит на десять дней. Почему его просто бросили здесь гнить?»

Лян Шу вошёл, взял горсть зерна — оно не было заплесневевшим или загрязнённым, его можно было есть.

Тем временем охранники сделали новое открытие: большинство повседневных документов станции всё ещё лежали в шкафах, их не забрали. В нескольких спальнях даже осталась одежда. Всё это походило не на организованный переезд, а на то, что люди, услышав какую-то весть, в спешке собрали пожитки и сбежали.

«Печать не поддельная», — Гао Линь снова изучил половинку объявления. — «Зачем Ши Ханьхай закрыл это место? Хочет полностью отрезать Город Алых Облаков от внешнего мира?»

Чэн Суюэ сказала: «Далеко от императора, ворота на замке — кто знает, что он там творит. А теперь даже писем людям не разрешает отправлять».

«Госпожа Чэн, мы по пути почти не видели беженцев», — А-Нин, уже сдружившись с людьми из резиденции князя Сяо, тихо спросил её. — «Если больные чумой далеко не уйдут, это понятно, но в городе должны быть здоровые. Без еды, почему они не бегут?»

«Наверное, этот Ши, опасаясь, что его преступления раскроют, запер ворота наглухо», — Чэн Суюэ сжала рукоять меча. — «Настоящий негодяй».

Лю Сюаньань, стоя рядом и слушая, представил себе, что может твориться в том городе, и беззвучно вздохнул: мир полон страданий. Он взглянул на Лян Шу, стоявшего рядом. Небо уже полностью стемнело, и князь целиком погрузился в сумерки. Хотя выражение его лица разглядеть было нельзя, аура убийства вокруг него ничуть не ослабла, а, напротив, стала ещё

более пронизывающей — пронизывающей чужие кости.

И тогда второй господин Лю снова вспомнил тот вечер, когда проверял пульс. Он до сих пор не нашёл ответа: что могло заставить живого человека казаться холодным, как камень? А-Нин же категорически не верил в это, утверждая, что господин просто ошибся. Но Лю Сюаньань был уверен, что всё сделал правильно, и хотел найти возможность проверить ещё раз.

Поскольку на следующий день предстояло раннее отправление, все легли спать пораньше. В комнатах стоял такой сильный запах плесени, что, кажется, мог пропитать мозги, и никто не хотел там ночевать, поэтому охранники разожгли во дворе несколько костров и устроились, прислонившись к столбам.

А-Нин принёс горячую воду, помог Лю Сюаньаню умыться и занялся раскладкой постели, но, обернувшись, увидел, как его господин крадёт, словно вор, к противоположному концу зала. Он удивился и прошептал: «Господин? Господин?»

Лю Сюаньань махнул ему рукой, веля не шуметь, но не остановился. Он подошёл к Лян Шу, осторожно присел и, затаив дыхание, приложил два пальца к его запястью.

Пульса по-прежнему не было.

Лю Сюаньань убрал руку. На этот раз он не стал слушать сердце, а согнул указательный палец и тыльной стороной приблизил его к носу Лян Шу, чтобы проверить, дышит ли тот. Но не успел он поднести палец, как колени его вдруг подкосились, он потерял равновесие и рухнул прямо в объятия сидящего перед ним человека.

«Ай!» — Он ударился носом и поспешно оттолкнулся, чтобы сесть.

Лян Шу открыл глаза, глядя на него с удивлением и недоумением.

Лю Сюаньань мгновенно нашёл оправдание: проходил мимо, случайно оступился, потревожил отдых князя, прошу прощения, я уже ухожу.

Сказав это, он пустился наутёк, развив, пожалуй, самую высокую скорость за всё время пути. Белый подол его одежды со свистом промелькнул над костром, взметнув сноп искр, и едва не загорелся, а сам он чуть не споткнулся.

«Господин, господин, идите сюда!» — А-Нин оттащил его за столб, совершенно не понимая происходящего.

Объяснение было долгим, но второй господин Лю не хотел говорить. Его нос до сих пор болел, а на глаза навернулись слёзы. Он натянул на себя одеяло с головой, сбегая от реальности, и вновь погрузился в свои небесные странствия, паря в туманах, уносясь в беспредельное, сливаясь с Великим Дао.

А-Нин: «...»

А неподалёку Гао Линь уговаривал князя: «Может, в следующий раз не пугать второго господина Лю? Подумайте, ведь он первый врач, который без принуждения, без просьб и без угроз императора сам пришёл вас осмотреть. Разве не стоит его ценить?»

Лян Шу бросил в костёр маленькую фасолину — именно ею он и ударил Лю Сюаньаня в колено. Шаги учёного, хоть и тихие, не могли укрыться от ушей мастера, тем более когда два

прохладных пальца снова и снова прикладывались к его запястью. Князь Сяо, даже если бы и был под действием снотворного, наверняка бы от такого проснулся.

Гао Линь никак не мог понять удовольствия, сродни забавам малыша Чжао. В его понимании, «подшучивание» его князя заключалось в том, чтобы заставить варваров в северо-западной пустыне метаться, как мухи, или обманом заставить жадных чиновников из Даляна бежать с награбленным добром напрямик в сети. Или, на худой конец, довести до припадка нескольких старых, кислых, непреклонных и болтливых придворных в столице. А такие шутки, в которых в итоге страдает лишь нос чужого господина, честно говоря, были для него загадкой.

Лян Шу помахал пальцем, приказывая Гао Линю немедленно исчезнуть с глаз и не маячить.

Он обнаружил, что его способность скрывать пульс действует как приманка, заставляя Лю Сюаньаня время от времени высовываться из своего парящего в воздухе, неведомого, лишённого излишних эмоций мира. Хотя тот быстро снова прятался, но пока он пытался всеми способами найти пульс, на его лице появлялось редкое выражение изумления и напряжения.

Лян Шу откинулся на столб и украдкой глянул в ту сторону.

Огонь костра плясал, а Лю Сюаньань, укутанный в одеяло с головой, был похож на белый кокон.

Хотя он не двигался, но и не спал.

Три тысячи путей Дао слегка пошатнулись от столкновения с князем Сяо. Он впервые на собственном опыте познал, что такое неловкость, а потом, махнув на всё рукой, высунул из-под одеяла руку и крепко упёрся в мягкую землю, так что костяшки пальцев побелели.

Всё рождается из земли и в землю возвращается. Раз все мы — земля, то жизнь и смерть — невелика важность.

А если жизнь и смерть не важны, то падение в объятия другого человека посреди ночи и вовсе сущая безделица.

Логично.

Второй господин Лю выдохнул.

И почувствовал себя чуть лучше.

На следующий день, когда ещё не рассвело как следует, все начали собираться в путь.

Лю Сюаньань, видевший сны всю ночь напролёт, был в полусне, наполовину укутанный в одеяло и бессмысленно смотрящий в пространство. А-Нин несколько раз пытался его растормошить, но так и не смог разбудить.